

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдѣльнаго номера 20 к.

ФЛАЖГА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Съ доставкой на домъ:

На 1 годъ... 8 р. — к.
" 6 мѣсяцевъ... 4 " 50 "
" 3 мѣсяца... 2 " 50 "

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ... 8 р. 50 к.
" 6 мѣсяцевъ... 5 " — "
" 3 мѣсяца... 2 " 75 "

ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКАГО.

Онъ былъ—заступникъ угнетенныхъ,
Униженныхъ и оскорбленныхъ,
За бѣдныхъ ратовалъ людей
И за безпомощныхъ дѣтей.

Но годы тяжкихъ испытаній
Въ немъ не разбили упованій,
И не сломила въ немъ тюрьма
Ни силъ души, ни силъ ума!...

Могучей вѣрою Мессіи
Онъ вѣрилъ въ будущность Россіи,
И за страдающій народъ
Самъ пострадалъ онъ въ свой чередъ.

...Передъ могилой дорогою
Колѣни, Русскій, преклони
И съ непокрытой головою
Его въ молитвѣ помяни!

И. Тхоржевскій.

Некрологъ. 28-го января текущаго года умеръ въ Петербургѣ Федоръ Михайловичъ **Достоевскій**, одинъ изъ благороднѣйшихъ русскихъ людей и оригинальнѣйшій изъ блестящей плеяды писателей 40-хъ годовъ.

Достоевскій умеръ на 58 году своей жизни.

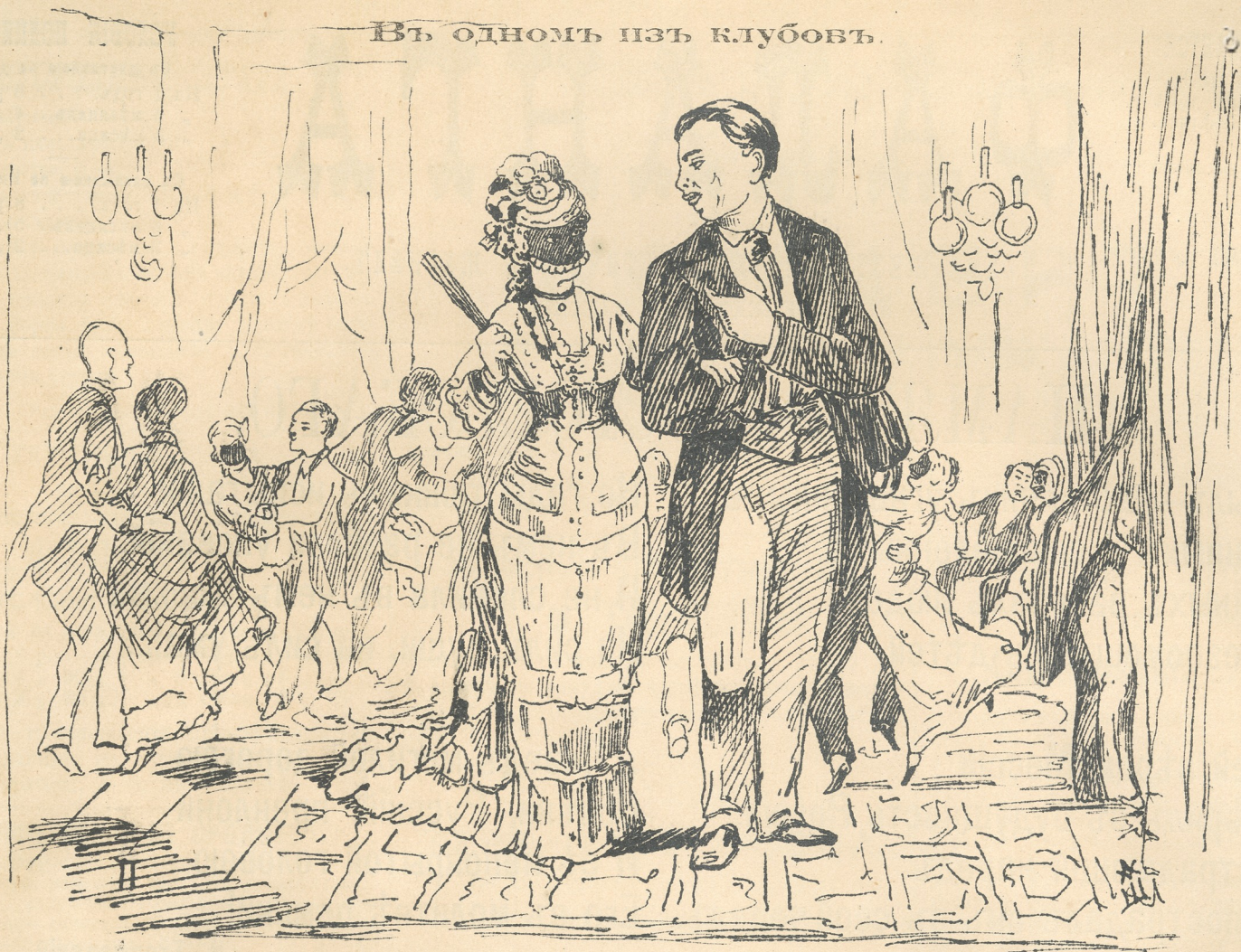
Бѣлинскій, восторженно привѣтствовавшій въ 1846 году первое произведеніе Достоевскаго, выразилъ тогда же слѣдующую пророческую мысль: «талантъ Достоевскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много талантовъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ въ то время, когда онъ будетъ близокъ къ апогею своей славы.

И дѣйствительно, въ наше время, когда литературные сверстники Достоевскаго, свершивъ все, что могли свершить, ничего уже не говорятъ нашему уму и ничего не будятъ въ нашемъ сердцѣ, Достоевскій съ каждымъ своимъ словомъ все болѣе и болѣе привлекалъ къ себѣ вниманіе современнаго общества. При этомъ невольно чувствовалось, что живое творчество Достоевскаго неизсякаемо, и что только смерть можетъ положить ему конецъ. Конецъ насталъ и къ сожалѣнію насталъ въ то время, когда пророчество Бѣлинскаго уже исполнилось, и когда каждое новое произведеніе, теперь уже «покойнаго», писателя отмѣчалось читающей публикой, какъ самое выдающееся явленіе въ литературѣ и отмѣчалось таковымъ часто вопреки мнѣнію присяжныхъ цѣновщиковъ прессы.

... Въ 1849 г. Достоевскій за «вредныя идеи» былъ осужденъ въ каторжныя работы, въ которыхъ и пробылъ 4 года.

... Петербургскія газеты сообщаютъ, что на похоронахъ Достоевскаго было много высокопоставленныхъ лицъ!..

ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ КЛУБОВЪ.

— Ты отчего это, маска, охрипла?
— Чиривъ валидоръ бѣжала на кухню,—ротъ и застудилась

СМѢЙТЕСЬ!

(Изъ Беранже).

Пускай жрецы литературы
Книгопродавцемъ стѣснены
И, сверхъ того, подчинены
Еще чиновникамъ цензуры,—

На все—пусть смѣхъ звучитъ въ отвѣтъ!

Намъ нечего бояться,—
Что запретятъ смѣяться:

Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

**

Пусть государственныя лица
Предъ смѣлой прессою дрожать,
Въ ея рѣчахъ почувявъ ядь,
И вся палата ихъ страшится,—

На все—пусть смѣхъ звучитъ въ отвѣтъ!

Намъ нечего бояться,—
Что запретятъ смѣяться:

Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

**

Пусть эта умная палата
Намъ все обряды разрѣшить,
И лишь въ оковы заключить
Все то, чѣмъ наша мысль богата,—

На все—пусть смѣхъ звучитъ въ отвѣтъ!

Намъ нечего бояться,
Что запретятъ смѣяться:

Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

**

Пусть цензоръ тотъ, чье назначенье—
Служить тюремщикомъ уму,
Самъ сторожа его тюрьму
Съ нимъ не имѣть сообщенья,—

На все—пусть смѣхъ звучитъ въ отвѣтъ!

Намъ нечего бояться,
Что запретятъ смѣяться:

Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

**

Пусть тѣ, что ошущью блуждая,
Не зная сами что творять,
Нарочно свѣточъ погасять,
Какъ бы нагарь съ него снимая,—

На все—пусть смѣхъ звучитъ въ отвѣтъ!

Намъ нечего бояться,
Что запретятъ смѣяться:

Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

**

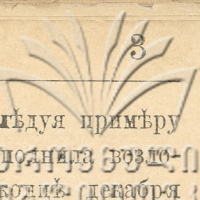
Пусть тотъ министръ, что безъ умолку
Привыкъ другихъ лишь распекать,
Хлопочетъ самъ,—чтобъ прочитать
Мою тетрадку въ тихомолку,—

На все—пусть смѣхъ звучитъ въ отвѣтъ!

Намъ нечего бояться,
Что запретятъ смѣяться:

Какой тутъ можетъ быть запретъ,
Когда смѣется цѣлый свѣтъ!

Иванъ-да-Марья.

ПО ВОЛНАМЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ.

Въ то самое время, когда въ нашей думѣ кипѣла словесная война и гласные другъ другу подносили букеты фразъ, неприятный запахъ имѣющихъ, въ это самое время на общемъ собраніи членовъ въ кружкѣ господствовала примѣрная тишь и похвальная гладь. Около 300 человекъ чиновныхъ членовъ въ продолженіи четырехъ часовъ настойчиво толкли воду и тѣмъ не менѣ поверхность этой воды не взволновалась; полнѣйшій штиль господствовалъ до самаго закрытія собранія, никакой бури въ стаганѣ воды не произошло и все мывало до такой степени гладко и безъ зацѣпины, что хоть шаромъ покати. Даже такой горячій вопросъ какъ вопросъ о покушкѣ для кухни новой плиты не возбудилъ никакихъ кипучихъ преній. Ораторы говорили спокойно, чинно, какъ и подобаетъ чиновнымъ лицамъ; другъ къ другу относились добродушно, называя другъ друга по именамъ и отчествамъ; благородно разсуждали, благородно возражали, благородно забаллотировали двухъ „нечиновныхъ“ кандидатовъ, благородно поужинали и разошлись по домамъ своевременно, дабы на другой день своевременно же отправиться «въ должность!» А между тѣмъ собраніе это было не простое и не для однихъ хозяйственныхъ вопросовъ созданное. На этомъ собраніи читался проектъ новаго устава „Кружка“, выработанный комиссіей, особо избранной для пересмотра нынѣ дѣйствующаго устава. Комиссія эта уничтожила въ уставѣ нѣсколько старыхъ запятыхъ, замѣнила ихъ нѣсколькими новыми запятыми, исправила слогъ и въ одномъ мѣстѣ поставила новую точку съ занятой. Совѣтъ старшинъ разсмотрѣлъ работу знакопрепинательной комиссіи, зачеркнулъ нѣсколько поставленныхъ комиссіею запятыхъ, прибавилъ отъ себя нѣсколько новыхъ запятыхъ и въ двухъ мѣстахъ на і поставилъ точку. Такимъ образомъ явился на свѣтъ обдуманнѣйшій „проектъ“, параграфы котораго поочередно предлагались обсужденію общаго собранія и въ теченіи болѣе двухъ часовъ возбуждали въ высшей степени интересныя въ граматическомъ отношеніи пренія. Такимъ образомъ въ „Кружкѣ“ въ скоромъ времени произойдетъ весьма важное событіе... а именно: начнетъ дѣйствовать новый уставъ, хотя собственно говоря, событія этого, вѣроятно, никто и не замѣтитъ, такъ какъ въ сущности этотъ новый уставъ отъ стараго только одними брюками и отличается. Эти отличительныя брюки возбудили оживленныя пренія. «Проектъ» допускаетъ, что лица, не танцующія на танцевальныхъ вечерахъ могутъ приходить и не во фракахъ, а въ черныхъ сюртукахъ, черныхъ жилетахъ и черныхъ брюкахъ. Компетентные изъ гг. членовъ заявили, что черныхъ брюкъ съ чернымъ сюртукомъ никто не носитъ и что поэтому въ брюкахъ всегда можетъ

встрѣтиться предосудительная искра, которая можетъ поджечь собою столбы кружковской благопристойности. Тутъ то и начались интересныя пренія о томъ, какого цвѣта брюкамъ дозволить входъ въ „Кружокъ“ и какого цвѣта брюки забаллотировать. Одинъ изъ членовъ предложилъ раскрыть двери „Кружка“ только для брюкъ сѣрыхъ и темносѣрыхъ безразлично съ лампасами или безъ оныхъ и такимъ образомъ видимо хотѣлъ создать для „Кружка“ особую форму, строго продуманную до сапоговъ включительно. Но справедливость заставила прочихъ членовъ вступиться за брюки другихъ цвѣтовъ, потому что дѣйствительно, въ силу чего давать предпочтеніе сѣрымъ брюкамъ?.. Чѣмъ не хороши, напримѣръ, брюки темногранатовые съ прозументною искрою, или брюки пепельно-сигарные съ просѣдою, или же наконецъ тѣ знаменитыя историческія брюки съ пламенемъ, которые носилъ Чичиковъ. Послѣ долгихъ преній собраніе разрѣшило эту Пифагорову задачу такъ: не стѣснять гг. членовъ въ выборѣ брюкъ и не дѣлать изъ брюкъ стѣсненныхъ обстоятельствъ; такъ какъ выразить опредѣленно надлежащій цвѣтъ брюкъ невозможно, потому-что брюки всегда были, есть и будутъ „невыразимыми“. Вообще надо сознаться, что составители „проекта“ немного увлеклись въ дѣлѣ точнаго опредѣленія надлежащей одежды. Напримѣръ, о танцующихъ говорится, что они должны быть во фракѣ и въ перчаткахъ. Подобныя подробности въ законахъ и вообще въ какихъ бы то ни было правилахъ непременно влекутъ за собою недоразумѣнія, потому-что всѣ, напримѣръ, части мужскаго туалета перечислить невозможно, а между тѣмъ всякій пропускъ можетъ повлечь за собою превратныя толкованія. Упомянуты брюки, жилетъ, фракъ и даже перчатки, а о сапогахъ ни полъ-слова; ясное дѣло, что любой фракъ, точно слѣдуя параграфу устава и ничуть его не нарушая, можетъ явиться въ танцевальную залу въ брюкахъ, жилетѣ, фракѣ, но безъ сапогъ.

Что касается до таинственной спиритической пропажи избирательныхъ листовъ, то по этому поводу „общее собраніе“ рѣшило бросить эти листы въ рѣку забвенія. Рѣшеніе это нельзя вполнѣ одобрить, потому-что бумажные листки вещь легкая и ни въ какой рѣкѣ, а въ томъ числѣ и въ рѣкѣ забвенія, потонуть не могутъ, а вѣчно будутъ плавать на поверхности, „мозоля глаза поверхностнымъ людямъ.“

Наше Кавказское Общество Сельскаго Хозяйства продолжаетъ вести бумагоистребительную и чернилопролитную войну съ филоксерой. Общество, какъ извѣстно, выбрало изъ среды своей комиссію, которой поручено было составить популярную брошюру о фи-

локсерѣ. Комиссія эта, не слѣдуя примѣру прочихъ всѣхъ комиссій, вполнѣ удовлетворенную на нее задачу и въ годнѣ декабря представила общему собранію брошюру, которую собраніе единогласно одобрило. Кажется бы печатать и дѣло съ концомъ!.. Но не тутъ то было. Тормозомъ явился не попавшій въ комиссію чиновный агрономъ и агрономическій чиновникъ г. Морозъ. Вотъ что повѣствуетъ по этому поводу репортеръ газеты «Кавказъ»:

„Собраніе единогласно выразило полное одобреніе труду комиссіи и, принявъ во вниманіе замѣчаніе одного изъ членовъ, г. Мороза, относительно собственно нѣкоторыхъ шероховатостей слога брошюры, просило его продержатъ редакцію ея. Выразивъ свое согласіе г. Морозъ чрезъ нѣкоторое время заявилъ секретарю Общества, что онъ отказывается отъ редактированія брошюры; тогда она была передана агроному г. Геевскому, исправлена имъ и въ такомъ видѣ поступила въ совѣтъ Общества, который и долженъ былъ озаботиться напечатаніемъ ея; но совѣтъ вновь нашель, по указанію г. Мороза, нѣкоторыя несовершенства слога брошюры и согласился познакомиться съ брошюрой, которую взялся составить г. Морозъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, въ присутствіи членовъ сказанной выше комиссіи, новая брошюра была прочитана и признана этими членами разнѣющею отъ прежней брошюры лишь въ отношеніи слога и порядка изложенія: все остальное оказалось вполнѣ сохраненнымъ, вслѣдствіе чего и предполагалось брошюру эту издать не въ качествѣ самостоятельнаго труда г. Мороза, а какъ трудъ комиссіи, отъ имени Общества. Г. Морозъ держался противнаго мнѣнія“.

Т. е. другими словами г. Морозъ горитъ желаніемъ загребать жаръ чужими руками и непременно хочетъ, что-бы его имя, какъ имя автора, красовалось на брошюрѣ, въ которой онъ, подобно составителямъ новаго Кружковскаго устава, перемѣнилъ лишь нѣсколько запятыхъ. Не родственникъ ли этотъ г. Морозъ тѣмъ членамъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства гг. М—зу и Б—ву (см. «Фалангу» за прошлый годъ № 3), которые краснорѣчиво доказывали, что съ филоксерой должны бороться не специалисты-агрономы, а полицейскіе пристава и урядники земской стражи?... Это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ томъ самомъ засѣданіи, гдѣ г. Б—овъ сморозилъ, воскликнувъ знаменитую фразу: «все, что есть лучшаго въ Россіи по уму и образованію принадлежитъ къ чиновному званію». Теперь очевидно выясняется о какихъ „лучшихъ людяхъ“, умѣющихъ талантливо переставлять запятые, говорили тогда краснорѣчивые ораторы. Вѣдь благодаря придиранію г. Мороза эта несчастная брошюра о филоксерѣ, какъ горохъ, только объ стѣну бьетъ. Вѣдь если-бъ не г. Морозъ брошюра давно бы ужъ была напечатана и издана. Невольно вспоминается пословица: «если-бъ на горахъ не морозъ, онъ бы черезъ тынь переросъ».

— Я не совѣтырала бы вамъ судиться: гашь противникъ все-таки приходится вамъ родственникомъ, хотя и отдаленнымъ.
— Что-же я буду дѣлать, г-нъ адвокатъ, если у меня нѣтъ другаго болѣе близкаго родственника.

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Въ Кружкѣ я сегодня рассчитывала быть,
Но сердце изныло отъ муки!...
Мой умъ былъ не въ силахъ вопроса рѣшить:
Какіе надѣну я брюки?

Отнесся серьезно я къ членскимъ рѣчамъ
И вспомнилъ различныя мнѣнья,
Но все же не зналъ я: какимъ-бы штанамъ
Отдать мнѣ теперь предпочтенье.

Въ порядѣ номъ обществѣ жить я привыкъ,
Бывала на балахъ и въ салонахъ...
И все же теперь становлюсь я въ тушкѣ:
Въ какихъ мнѣ идти панталонахъ?

На мягкую тахту въ раздумьи я легъ;
Пуская дымокъ отъ сигары,
Я думалъ... но все же придумать не могъ:
Какіе надѣть шаровары?

Отъ думъ утомленный я вдругъ задремалъ
И въ сладостный сонъ погрузился
И видѣлъ во снѣ, что я смѣло на балъ
Безъ „невыразимыхъ“ явился.

Не иди къ намъ филоксера;
Здѣсь плоха твоя карьера...
Не посѣнь ядь ты свой
По Кавказскимъ, нѣжнымъ лозамъ...
Какъ француза подъ Москвой
Мы приедемъ тебя... „морозомъ“.

СТРАНИЧКА

изъ дневника невѣдомо кѣмъ составленнаго.

27 января 1881 г. Вторникъ.

Нѣтъ, не допустимъ!... ни за что не допустимъ!... Это незаконно... онъ не имѣетъ рѣшительно никакого права... Полномочіе было срочное и вдругъ теперь, спустя нѣсколько лѣтъ; теперь... сейчасъ-же послѣ того какъ писалось въ газетахъ... открыто и ясно писалось о прогонахъ и обо всемъ прочемъ... На другой день послѣ получения номера съ этимъ рѣзкимъ, но вполне правдивымъ фельетономъ... и вдругъ придти, требовать дѣла, начинать ревизію!... Какая безтактность!... За кого же онъ насъ считаетъ?.. Насъ, самостоятельныхъ, полноправныхъ, насъ, которыхъ самъ законъ поставилъ не-

зависимо, поставилъ выше всякаго личнаго вліянія... насъ!!!... Насъ, призванныхъ разрѣшать тысячныя дѣла, насъ, подвергающихъ людей самымъ тяжкимъ наказаніямъ, насъ, обязанныхъ судить на основаніи внутренняго убѣжденія и закона, судить вполне независимо, насъ, обеспеченныхъ закономъ.... Насъ!!!... За кого онъ насъ считаетъ? Онъ... единичная личность, и вдругъ онъ привыкъ нами распоряжаться какъ пѣшками, представляя насъ по собственному своему усмотрѣнію изъ угла въ уголъ и даже иногда совсемъ сбрасывая съ шахматнаго столика... Но нѣтъ-съ, милостивый государь! Наше терпѣніе наконецъ лопнуло!... Мы не мальчишки. Мы вамъ покажемъ себя, свою самостоятельность и независимость! Твердою ногою мы станемъ на «законное основаніе» и не допустимъ, ни за что не допустимъ! О! вы насъ не знаете. Мы вамъ докажемъ, что мы не мальчишки. Мы вамъ докажемъ, что вы имѣете дѣло съ самостоятельными, полноправными и независимыми юристами, съ такими, которыхъ имѣть въ виду законодатель, а не съ такими, какихъ вы хотите

создать... Мы—лучшее, высокое ведомство; съ нами нельзя обращаться, какъ съ какими-нибудь писцами или урядниками... Обожжетесь, милостивый государь... Мы сдѣлаемъ скандалъ, о которомъ будетъ кричать вся Россія... Не допустимъ, не допустимъ, не допустимъ!!!!... Мы покажемъ себя!... О, скорѣй бы только пришла суббота!...

28 января Среда.

Всѣ, всѣ безъ исключенія такого же мифіа, какъ и я. Громко, не стѣняясь мы об этомъ кричали. О! нашъ составъ превосходный!... Все люди независимые, благородные, стоящіе на высотѣ своего званія... Даже Каранетъ Бежаничъ и тотъ заговорилъ... Это, говорить, возмутительно мы, говорить, не допустимъ! Ну, а о другихъ и говорить нечего... Мы всѣ какъ братья взяли за руки и смѣло, громко говоримъ... Мы отстаемъ свои права... Мы не допустимъ... Это несомнѣнно! Ахъ! только бы скорѣй суббота пришла... Мы себя покажемъ!!!!... Вотъ только никакъ нельзя узнать самъ Смѣтановъ какого мифіа?... По общеповенію серіозенъ, молчаливъ, гербовныя марки считаетъ, да въ исходящихъ журналахъ копаются. Кто его знаетъ можетъ быть онъ... да нѣтъ, не можетъ быть... А эта исторія, когда онъ еще юнкеромъ былъ... какъ онъ себя показалъ!... О, несомнѣнно... онъ человѣкъ самостоятельный и при томъ вѣдь „законное основаніе“. Ну, а если онъ... вѣдь тогда пожалуй плохо придется... вѣдь все это прекрасно... самостоятельность... да куда же я въ случаѣ чего съ семьей-то, съ пятью дѣтьми дѣнусь... Вѣдь я крошкѣ какъ къ этому своему „независимому“ дѣлу ни къ чему другому и не способенъ... Положимъ на законномъ основаніи никто тронуть не можетъ... да вѣдь развѣ на законное основаніе смотреть?... Возьметъ да безъ всякаго законнаго основанія и прихлопнетъ изъ за угла... У насъ вѣдь освѣщеніе-то не европейское... Темно... всегда изъ за угла могутъ прихлопнуть... куда я тогда съ дѣтьми-то... развѣ не было такихъ примѣровъ?... О, сколько хотите! Жена жалуется... ребенокъ боленъ... доктора надо... а въ карманѣ-то тридцать рублей всего... а до 20-го еще далеко... Надо будетъ опять о добавочныхъ похлопотать... Тыфу ты, гадость какая!...

29 января Четвергъ.

Вчера опять бесѣда была. Единодушіе полное... Даже энтузіазмъ есть... Вѣдь скандалъ!... На другой же день послѣ фельетона!... Спустя нѣсколько прогонныхъ лѣтъ!!!!... Не допустимъ, ни за что не допустимъ!... Мы покажемъ себя... Всѣ такъ говорятъ... только вотъ Смѣтановъ... Кто его знаетъ, что онъ думаетъ?... Всмотривался я въ него... ничего на лицѣ нельзя прочесть. Молчать и гербовныя марки считаетъ. Опасно, чортъ возьми!... Вѣдь онъ... самъ то, что нами какъ пѣшками играетъ, вѣдь онъ... что ни говори...

онъ—сила!... Положимъ и мы тоже сила... Мы независимы, самостоятельны, мы на „законномъ основаніи“... только вотъ законное основаніе-то это... кто его знаетъ?... 2,200 р. въ годъ, да добавочныя... дороговизна проклятая... Вѣдь 7 душъ... все еще ребенокъ боленъ. Каждый день докторъ ѣздитъ... Надо будетъ похлопотать о добавочныхъ... Вѣдь собственно говоря... я-то... лично... что могу имѣть противу него?... Всегда онъ былъ со мною вѣжливымъ, милостивымъ и снисходительнымъ... Разъ только... ну, да это вздоръ... всякій человѣкъ вспылить можетъ. Но вѣдь, собственно говоря вѣдь онъ то меня и въ люди вывелъ... Сегодня четвергъ, завтра пятница, а тамъ и суббота... Посмотримъ...

30 января Пятница.

Вчера на семейномъ вечерѣ мы громко и открыто говорили... нѣтъ, не допустимъ!... мы не мальчишки, мы не пѣшки!... Мы покажемъ себя!... Единодушіе есть, энтузіазмъ тоже... Дровъ надо купить... Какъ дороги эти подлыя дрова... На аптеку сколько выходить!... Просто нечѣмъ жить!... На службу не пошелъ сегодня... Ну ихъ совсѣмъ!... Опасно... Посмотримъ что то завтра будетъ...

31 января Суббота.

Провалили... рѣшили... допустили!... Да такъ и слѣдовало ожидать... Общее настроеніе все таки было за допущеніе... ну и Смѣтановъ къ тому-же.. и я самъ тоже за допущеніе подалъ... Нашлись тамъ смѣльчаки, ну, да все больше холостые или обезпеченные, а такихъ не много, потому что предпочитаютъ нашего брата, голяка, сажать, или ужъ если и не голяка, такъ ужъ такого, что хуже всякаго голяка... Положимъ „законное основаніе“... да мы-то, мы-то, несчастные, что можемъ сдѣлать съ этимъ законнымъ основаніемъ на 2,200 рублей въ годъ при семьѣ, при дѣтяхъ, при дороговизнѣ?!... Независимые, самостоятельные, стоящіе выше возможности личнаго вліянія... Фу, чортъ возьми, какая горькая иронія!... Нарядили насъ, несчастныхъ бѣдняковъ, въ красивые европейскія наряды; посадили въ высокія европейскія кресла и оставили однихъ, не подготовленныхъ и непризнанныхъ среди невоздѣланныхъ степеней, во мракѣ безразсвѣтной ночи... Повѣсили у глазъ нашихъ кусочекъ хлѣба и благодаря этому кусочку поворачиваютъ наши исхудалыя руки въ ту или въ другую сторону по собственному своему усмотрѣнію... „Эй, сюда поворачивай, г. самостоятельный; эй, туда гни, г. независимый; а сопротивляйся будешь, такъ по шапкѣ тебя, полноправнаго, и съ европейскаго кресла долой!...“ Чортъ-ли въ томъ, что на насъ ярлыкъ „независимо ти“ повѣсили?... Въ театрѣ автоматовъ и короли, и принцы фигурируютъ, а все же они остаются кукла-

ми, движеніями которыхъ управляютъ другіе, держа за ту или другую нитку. Что-бы воспротивиться надо герою быть!... А мы... мы простые смертные... на самопожертвованіе не способны... Въ насъ нѣтъ ни развивалъ ни геройскихъ чувствъ, ни геройскихъ побужденій... Мы говорили въ свое время... мы помнимъ... мы не забыли тѣхъ убѣжденій, которыя горѣли въ насъ, когда мы сидѣли на университетской скамьѣ... Но разлетѣлись они, эти убѣжденія, какъ щепки подъ неумолимымъ напоромъ жизненныхъ колесъ... Они укоромъ стоятъ передъ нами, но что мы можемъ сдѣлать, обремененные, задавленные, загубленные?!... О дѣти, дѣти... о васъ хлопочемъ, для васъ жертвуемъ, о вашей судьбѣ заботимся!.. Развивайте въ себѣ геройскій характеръ, приучайте руки къ грубой, къ черной работѣ, приготовляйте себя къ жестокимъ ударамъ судьбы и можетъ быть тогда вы не будете стыдиться себя самихъ, какъ мы стылимся, не будете презирать себя, какъ мы себя презираемъ!!!!... Допустили!!!!... Надо пойти скорѣй подписать неподписанныя бумаги...

АФОРИЗМЫ И ЗАМѢТКИ.

1. Кто жадно ищетъ развлеченія— Тотъ вѣчно осужденъ скучать.
 2. Вопли безплодные умы Всегда на рѣчи плодовиты.
 3. Не побѣждайте отвращенія: Вы увеличите его!
 4. Ни разу ни одинъ дуракъ Безумно въ женщинъ не влюблялся.
 5. Когда назадъ идти опасно, То даже трусъ идти впередъ.
 6. Когда религія-наука, То и безнравственность—не грѣхъ.
 7. Кто принужденъ стоять, на караулѣ, Тотъ больше всѣхъ подъ карауломъ самъ.
 8. Какъ варварство предшествуетъ прогрессу, Такъ и приходитъ влѣдъ за нимъ.
- Иванъ-да-Марья.

— Почему ты обманываешь своего мужа, когда онъ лучший изъ мужчинъ?
— Потому, — что я хочу убедиться въ этомъ.

— Вы двадцать разъ обѣщали мнѣ просить мою руку у мамыши.
— Простите мою забывчивость: но видя рану ножку, — невольно забываешь о рукѣ.

ЛЯПКИНЪ-ТЯПКИНЪ.

Интересуясь судьбою Ляпкина-Тяпкина, письма котораго печатались въ нашемъ журналѣ и который заболѣлъ душевною болѣзнию, мы послали въ больницу запросъ о состояннн его здоровья. Полученный отвѣтъ печатаемъ:

2-го февраля.

Доставленный въ больницу душевно-больной Ляпкинъ-Тяпкинъ страдаетъ тѣмъ видомъ умопомѣшательства, который въ судебной медицинѣ извѣстенъ подъ названіемъ *Mania sine delirio* или *Anreiz durch gebundenen Vorsatz* и при которомъ преступныя дѣяннн совершаются внезапно людьми съ перваго взгляда умственно совершенно здоровыми. Впрочемъ, въ послѣднее время въ нашемъ пациентѣ стали замѣчаться признаки такъ называемаго „паралитическаго состояннн“. Установлено строгое наблюденнн за больнымъ. Къ нему недавно являлся прощаться его бывшнн секретарь. Ляпкинъ-Тяпкинъ пѣлъ: „Не уѣзжай голубчикъ мой, не покидай столы родныя“; а секретарь пѣлъ на мотивъ солдатской пѣсни, „Какъ у нашихъ у воротъ“: „Будь ты проклята „Фаланга“, не уважишь чина, ранга!“ Когда же присутствовавшнн при этомъ нашъ сторожъ Михѣй сталъ всматриваться въ мундиръ гостя, то Ляпкинъ-Тяпкинъ важно

замѣтилъ: „Ты хорошо поступаешь, дружище; хороший солдатъ, всегда надѣется быть генераломъ; я тебя буду имѣть въ виду, когда откроется вакансія“.

5-го февраля.

Сюда являлся какой-то судья, котораго по необъяснимой причинѣ Ляпкинъ-Тяпкинъ лишилъ жалованья. Больной не могъ узнать его и сталъ буйствовать, требуя полицейскаго: „Протоколъ! фалангистъ!“ кричалъ онъ, а послѣ довоислся хрипъ: „караулъ, караулъ!“

6-го февраля.

Ляпкинъ-Тяпкинъ все читаетъ какія-то дѣла. Онъ мнѣ по секрету сообщилъ, что послѣ долгой ревизнн обнаружено въ производствѣ гознавскаго суда одно важное упущеннн: въ протоколѣ гацкаръ-гайтанскаго пристава въ двухъ мѣстахъ запятая поставлена вверхъ ногами и что сіе преступленнн предусмотрено 23,023 ст. уложеннн о наказанняхъ. Я попытался увѣрить больнаго, что здѣсь нѣтъ ничего преступнаго, такъ какъ запятая, поставленная въ неприличномъ видѣ, ничто иное, какъ зачерпнутая точка, но онъ хуже озлился и спрашивалъ, отчего зачерпнутое не оговорено въ концѣ протокола.

АНЕКДОТЫ, СЦЕНЫ И ПРОИЗШЕСТВІЯ.

(Изъ Тифлисской жизни).

ВЪ КЛУБЪ.

— Позвольте, Василій Васильевичъ, такъ нельзя, вы опять приписали, я положительно съ вами играть не буду.

— Чего вы кричите, сами вы вчера мнѣ въ трехъ колодахъ четыре семейства показали (игра безвнѣ).

— Нѣтъ-съ, я приписывать вамъ не позволю, это невозможно, это просто грабежъ, воровство.

— Ишь вы, какъ скоро и легко вора производите, брали-бы хоть примѣръ съ вашей матушки, которая въ теченнн пѣлмхъ девяти мѣсяцевъ одного сдѣлала.

— Ну, вы, острякъ...

Дружескій смѣхъ, игра продолжается.

Въ одномъ изъ клубовъ заѣзжнн гость изъ чистоплотныхъ пѣмцевъ игралъ на биллиардѣ. Послѣ игры пожелалъ онъ вымыть руки и лицо и потребовалъ губку. Понскали, подали; вымывшнн гость замѣтилъ, что человекъ, подавшнн губку чего то ждеть.

— Чего ты тутъ ждешь? спросилъ гость.

— Да губку жду-съ, такъ какъ я еще не всѣ плевальницн окончилъ чистить.

НАМЪ ПИШУТЬ.

Изъ Кутаиса. Въ газетѣ „Кавказъ“—этой „теплой заступницѣ міра холоднаго“ появилась недавнѣхъ статья г. директора гимназій, цѣль которой не замысловата...

Курьезная статья разлагается при разборѣ ея на 3 части.

Часть 1-я, подъ названіемъ: „Я догадался... въ такомъ-то № „Фаланги“ писано про меня!...“

Пальчикъ! Еще-бы не догадаться, когда, если не назвали прямо по фамиліи, то, взаимно, дали такую кличку, по которой развѣ слѣбной не узнаеть...

Часть 2-я—самая пикантная. Авторъ разшаркивается передъ начальствомъ, увѣряя его, что „ахъ какой я милашка, прекрасный семьянинъ, чудеснѣйшій гражданинъ, великолѣпнѣйшій господинъ...“

И величайшій... чтобы такое придумать въ видѣ подарка вамъ, господинъ?...

Часть 3-я—бснованіе...

Маленькое отступление...

Узнаете, читатель, типъ практически добродѣтельныхъ людей? Это человѣкъ добродѣтельный не настолько, насколько это возможно, а насколько нужно... Это человѣкъ, подъ котораго не подточшь иголки, про котораго думаешь очень скверно, но который съ вѣшной стороны всегда правъ и сверхъ того съ видомъ угнетенной невинности, всегда еще тебѣ докажетъ, что ты въ сравненіи съ нимъ Стеньга Разинъ, а онъ... онъ... ну, нѣчто въ родѣ Христа передъ жидами.

Такие люди, получивши обыкновенно какой-бы то ни было упрекъ, не парируютъ сущности удара... Для нихъ это не нужно... Имъ необходимо во что бы то ни стало облить себя въ *глазахъ начальства* и они выбираютъ очень ловкій путь...

Предположимъ, что я написалъ цѣлую газетную страницу, трактую о томъ, что такой-то господинъ утащилъ у меня изъ кармана сто руб. Въ концѣ своей обстоятельной и длинной статьи я мимоходомъ, вскользь, упомянулъ, что при этой кражѣ, изъ того же моего кармана, потеряна мной зубочистка изъ гусиного пера, зубочистка, къ которой я привыкъ и которую мнѣ очень жаль...

— Зубочистка?... я у васъ укралъ зубочистку? какъ смѣете вы говорить это? возопіеть угнетенная невинность... Она представитъ вамъ сотню свидѣтелей, что зубочистки вашей не видала, и, благодарно обходя коренной вопросъ обвиненія, докажетъ вамъ, что вы ее оклеветали по поводу гусиного пера...

Такъ произошло и съ добродѣтельнымъ господиномъ...

Посмотрите, какъ онъ рветъ и мечетъ: я не говорилъ ужасной фразы, которую приписываетъ мнѣ гнусный корреспондентъ... я обращаюсь къ милостивому начальству, къ почтеннѣйшей публикѣ и, самое главное къ претставу третьяго участка для огражденія своей репутациі... Я ставлю всѣхъ своихъ подчиненныхъ подписать протестъ этой грязной инсинуациі...

Такъ-съ. Все это будетъ сдѣлано. Сто душъ, чувствующихъ и хорошо уже оцѣнившихъ вашъ „либерализмъ“, сто людей, или служащихъ у васъ подъ началомъ или имѣющихъ родственниковъ въ гимназій докажутъ и подпиской и подъ присягой, что вы не говорили такой-то фразы... Но что же изъ этого? Суть нападка на васъ вовсе не тутъ. Пусть упомянутая фраза ложь, пусть за измышленіе ея я буду обвиненъ... главное то обвиненіе—останется всегда за вами, угнетенная вы невинность, и если вы оправдаетесь официально въ такой-то фразѣ, то это еще не велика заслуга... Я вѣдь пишу для общества, а не для вашего начальства...

Вы, многоуважаемый педагогъ, оставьте-съ...

Г. Измпрова, г. Гладика, послѣ терваго-же припадка бшенства отъ укушенія, мы оставимъ въ покоѣ, извѣстивъ публику бюллетенемъ о состояніи его здоровья... но васъ мы погодимъ!.. Вы слишкомъ крупны, слишкомъ „благонравны, благонамѣренны и невинны“ съ одной стороны и... ужь очень „либеральны“ съ другой..

Такие субъекты для „Фаланги“—сущій кладъ и, прежде чѣмъ мы васъ похоронимъ окончательно, мы вамъ позаймемся.. будьте въ этомъ увѣрены...

Синдсрван

ЗА ДОБЫЧЕЙ.

Извиняюсь передъ читателями, но я долженъ опять говорить о нашей думѣ. Я обѣщаль рассказать вамъ объ эпилогѣ зубаловской траги-комедіи. Имѣла ли успѣхъ комедія его или нѣтъ? спросите вы меня. Откровенно говоря, она имѣла нѣкоторый успѣхъ. Зрители не то были сконфужены, не то возмущены; критика гласныхъ напоминала отзывъ челоѣка о пьесѣ, въ которой выставили его самого и спрашиваютъ его же мнѣніе объ этой пьесѣ. Онъ не знаетъ похвалить, выругать, найти глупымъ или умнымъ новое произведеніе.

Члены управы предстали въ совершенномъ дезабилье передъ думой, а кассиръ забылъ даже надѣтъ „товарища рубашки“ какъ выражаются туземцы. Они были похожи на людей, только что вышедшихъ изъ измайловскихъ бань, и не успѣвшихъ принарядиться. Халатъ изъ термаламы, „подбитый вѣтеркомъ“ развѣвался во всѣ четыре стороны, въ продолженіи всего засѣданія. Но оставимъ фигуральныя выраженія и обратимся къ фактамъ. Нужно сознаться, что зубаловскіе „ревизоры“ не смѣли стать „на высотъ своего призванія“ или по просту говоря ничего не смыслили, не только въ двойной италянскій бухгалтеріи, но и въ простыхъ „даварскихъ“ расчетахъ. Двое изъ ревизоровъ краснорѣчиво молчали; отдувался за нихъ г. Пондоевъ, не выдержавшій, къ сожалѣнію, экзамена зрѣлости, хотя рука времени успѣла коснуться его черныхъ кудрей и нѣсколько облыла ихъ.

Въ докладѣ было сказано, что процентныхъ бумагъ оказалось на столько-то рублей и копеекъ. Никто не догадался спросить, какимъ образомъ въ процентныхъ бумагахъ оказались копѣйки? Наконецъ вспомнилъ объ этомъ г. Аб. Иоаннісіани, и задалъ ревизору вопросъ: „вы считали процентныя бумаги по номинальной цѣнѣ или биржевой?“ Г. Пондоевъ сталъ въ тушигъ, какъ „срѣзанный ученикъ“ и не могъ ничего сказать. Очевидно было, что онъ вопроса не понимаетъ, и не знаетъ, что такое номинальная или биржевая цѣна.

Ударъ былъ нанесенъ не въ бровь, а въ глазъ. Всѣ догадались съ какими «ревизорами» имѣли дѣло. Мнѣ показалось, что г. Зубаловъ даже покраснѣлъ за свой выборъ.

Касса оказалась болѣе или менѣе цѣлою; недоставало около 200 рублей; но принимая

во вниманіе, что серебро и ~~удѣл~~ не считали, а приняли въ счетъ по „глазомеру“, то такая незначительная ошибка могла всегда вырастись (не говоря уже о прочетѣ) и поэтому объ этомъ не было и рѣчи. Интересно-свала всѣхъ только „выдача впередъ жалованья по роспискамъ“. Ревизіонная коммиссія подробно перечислила всѣхъ, кто получалъ деньги впередъ; сумма составила болѣе 6 т. рублей, изъ коихъ выдано безъ росписокъ около 460 рублей. Оказалось, что нѣкоторые служащіе получили впередъ за февраль, мартъ, апрѣль и май мѣсяцы; въ числѣ ихъ фигурировалъ и городской секретарь, который читалъ докладъ коммиссіи. Г. Зубаловъ захотѣлъ попутить:

— Позвольте, г. секретарь, вы не внятно читаете, кто это получилъ деньги впередъ за февраль, мартъ, апрѣль и май?

— Г. городскому секретарю выдано, читать городской секретарь, за февраль, мартъ и т. д.

„Дума“ улыбается.

Изъ преній выяснилось, что жалованье выдавалось впередъ по роспискамъ, написаннымъ на „кличкахъ бумаги.“ Эта финансовая корреспонденція велась „домашнимъ образомъ“. Получаетъ, на примѣръ кассиръ слѣдующаго рода «биле-ду»: «Гигушка! Выдай пожалуйста Пашѣ 200. Твой Артюшка». И выдается Пашѣ или Сережкѣ известное количество впередъ. Такихъ „оправдательныхъ документовъ“ было представлено на нѣсколько тысячъ. Нечего сомнѣваться, что защитникомъ „домашняго хозяйства“ явился все тотъ-же душехозяинъ - аншефъ г-жи Шіоевой Леонъ... Элимирзовъ. Завидую постоянству этого гласнаго! Изъ его рѣчей можно было сдѣлать такой рѣзюмъ: такъ какъ дума не дала „инструкціи счетоводства“, то управа можетъ что угодно сдѣлать; положить хоть въ карманъ всѣ деньги. Начались странныя разсужденія о томъ, хороша ли система счетоводства, веденная въ управѣ или нѣтъ. Изъ этихъ длинныхъ разсужденій выяснилось только одно: что никто изъ гласныхъ не понимаетъ слова „счетоводство“! Люди, которые на своемъ вѣку пересчитали миллионы, не знаютъ азбуки счетоводства. Никому не пришла въ голову мысль, что всякая система счетоводства, хороша, если *хорошо примѣнена* къ дѣлу. Даже бухгалтерія адамовскихъ временъ: „получилъ“ „отдалъ“ хороша, если она ведется аккуратно. Напрасно силился Аб. Иоаннісіани доказывать, что бухгалтерія управы блистательная; послѣ его „защитительной рѣчи“ онъ возбудилъ на этотъ счетъ сомнѣніе. Рѣчь его въ защиту «халатнаго счетоводства» произвела дурное впечатлѣніе; онъ имѣлъ видъ „защитника по назначенію“, который не убѣжденъ въ правотѣ своего клиента.

Но не думайте гг., что мы, кавказцы, всѣ безалаберны и смотримъ на все съвозъ паль-

цы. Бываютъ исключенія; какъ на преслѣдователя „халатнаго счетоводства“ можно указать на князя восточнаго факультета, хотя и русскаго происхожденія, Тмутараканскаго, этого „управляющаго типографіями“, какъ онъ себя титудуетъ. Восточный князь, съ чсто сѣвернымъ хладнокровіемъ, преслѣдуетъ всякаго, кто только не вельтъ у себя дома счетоводства по системѣ Луки Паціола. Сей рыцарь безъ упрека, съ бережливостію старой бабушки, охраняетъ гутенберговскую невинность.

Казалось бы что охранять? Мы люди самыя благонадежныя и наиблагонамѣренныя; никогда въ Тифлисѣ, ни одинъ типографскій станокъ не воспроизводилъ никакой предосудительной „прокламаціи“, кромѣ объявленій о вновь полученномъ рыбномъ товарѣ, и циркуляровъ рекламныхъ дѣлъ мастера г. Манрелова. Но тѣмъ не менѣе г. „управляющій типографіями“, съ ревностію бывшаго слѣдователя, держитъ свое бдительное око, чтобъ типографіи не спали. Не благоволилъ сей князь почему-то къ типографіи, гдѣ печатается „Фаланга“; онъ удостоиваетъ арендатора типографіи ежедневно своимъ визитомъ; и если, паче чаянія, увидитъ, что полученный на скорую руку заказъ, въ видѣ объявленій, расклеиваемыхъ по городу, не записанъ въ приходной книгѣ, то тащитъ арендатора къ мировому. Грѣшный человекъ, я думаю, что „инспекторъ типографій“ дѣлаетъ это съ „заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ“, чтобъ хвастнуть передъ всѣми, какъ русскій человекъ учитъ нѣмца быть аккуратнымъ. Если нашъ *хоббиза* надъ типографіями думаетъ, что дѣлаетъ дѣло и «исполняетъ долгъ» когда поймаетъ нѣмца Миллера или «Сосико» въ неаккуратности, то мы его разувѣрять не будемъ. Желаетъ ему дремать въ этомъ пріятномъ заблужденіи, относительно исполненія своего долга.

Что же касается до аккуратности, то нужно быть послѣдовательнымъ и быть аккуратнымъ и относительно истины. Въ прошломъ № „Фаланги“ мы сообщили, что кн. Тмутараканскій сорвалъ афиши театральнаго общества. Князь не преминулъ прибѣгнуть къ содѣйствію г. Заредатора, и объявилъ, что онъ афишъ *не рвалъ*, а взялъ ихъ у г. Шавердова. Мнѣ, говорить, дѣла нѣтъ, пьеса разрѣшена театальною цензурою или нѣтъ; меня интересовало только то, что на афишѣ не стояло разрѣшенія г. полиціймейстера и фирма типографіи, вѣщаетъ князь. Дѣло было весьма ясное: наборщикъ забылъ помѣстить слѣдующее разрѣшеніе и фирму типографіи; положимъ Александръ Макдонскій герой... но зачѣмъ же рвать афиши. Почтенный князь предполагаетъ, что „Фаланга“ „задѣла“ (княжеское выраженіе) его „по недоразумѣнію“. Никакого недоразумѣнія не было, а просто заявленъ *фактъ* срыванія афиши, который отрицаетъ князь. Мы стоимъ на своемъ и утверждаемъ, что афиша была

сорвана княземъ со стѣны и притомъ собственными сіятельными руками. Гдѣ, когда и въ какое время, угодно мы это докажемъ. Попробуйте прислать намъ... «повѣстку» князь.

„Съ времянь давнымъ давно отжитыхъ“ извѣстно, что мы народъ самый нравственный и патриархальный; для блистательнаго доказательства этой истины я вамъ расскажу одну исторію, случившуюся съ одною армянскою актрисою. Всѣмъ извѣстно, кто только слѣдилъ, за армянскимъ театромъ, что въ этомъ году пріѣхала изъ Константинополя артистка Каракашянъ 2-я. Выступивъ въ роляхъ „инженю“ она сразу завоевала симпатіи публики; дѣйствительно она прелестно исполняетъ роли молодыхъ дѣвушекъ и суретокъ. Каждый выходъ ея на сцену, сопровождался громомъ рукоплесканій и дождемъ цвѣтовъ. Какъ ни сладко упоеніе славой, но баловница публики захотѣла завести „свои пенаты“ и потому готовилась заковать себя въ цѣпяхъ Гимея. Женихъ былъ объявленъ, и свадьба должна была скоро состояться. Все это вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ и въ томъ числѣ, специально театальной публикѣ. Послѣ помолвки, артистка рассчитывала, что ее примутъ восторженно, что публика выразитъ ей этимъ свое поздравленіе. Но не тутъ то было. Вышла артистка и вмѣсто грома рукоплесканій услышала... гробовое молчаніе. На первый разъ она не обратила на это вниманія; но во второй, въ третій разъ тоже самое. Что же это значитъ, думаетъ она. Вѣдь я играю не хуже, стараюсь на сколько силъ хватаеть; зачѣмъ же публика равнодушна ко мнѣ, заливаясь слезами говоритъ она себѣ. Наконецъ артистка рѣшилась обратиться за разъясненіемъ къ своимъ знакомымъ. Тѣ въ свою очередь удивились; какъ это, молъ, вы не знаете причину вашего холоднаго пріема со стороны публики! *Публика не желаетъ, чтобъ вы выходили замужъ!* М-ше Каракашянъ остолбенѣла; что публикѣ за дѣло до моего замужества, вѣдь отъ этого я хуже играть не буду!

Нахмурила свои прелестныя губки артистка и сказала своей кораловья губки артисткѣ: „выйти — или не выйти — вотъ вопросъ“! Въ концѣ концовъ въ m-lle Каракашянъ, артистка переселила женщину: она объявила, что поступитъ „по желанію публики“ и не выйдетъ замужъ. Это извѣстіе распространилось съ быстротою электричества. Какъ только она показалась на сцену — „театръ застоялъ“; дождь цвѣтовъ и букетъ гигантскихъ размѣровъ привѣтствовали ея появленіе. Въ продолженіи цѣлаго вечера ей не давали раскрывать рта! Bravo и бисъ сопровождали каждое движеніе, каждое ея слово! Словомъ публика примирилась!... Ну, скажите на милость, не моралисты ли мы? Вѣдь это не я, не вы, не Петръ не Иванъ, а *публика*, цѣлая масса, блюдетъ цѣломудріе артистки!! Ну, не знаменательно ли это? Послѣ этого насъ хотятъ увѣрить, что нашъ вѣкъ „испорченъ“! Сохрани Боже! Намъ далеко до гнилаго запада.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы принуждены настоящій номеръ „Фаланги“ выпустить въ свѣтъ безъ рисунка на первой страницѣ.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА.

Сололани, А-с-у.

Дневникъ сумасшедшаго не напечатается. Карриатуры присылайте. „Посмотримъ, обдумаемъ и рѣшимъ“.

ИНОГОРОДНАЯ ПОЧТА.

Ростовъ-на-дону, Фонъ-дербъ-утиъ.

Мысль и даже нѣкоторыя выраженія перваго стихотворенія — заимствованы, второе стихотвореніе — скабрзно. Стихомъ вы владѣете, а потому, если пришлете что нибудь другое, подходящее для „Фаланги“, то напечатается.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ТИФЛИССКОЕ ТЕАТРАЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ понедѣльникъ, 9 февраля

ДАНЪ БУДЕТЪ

КОНЦЕРТЪ

ВЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЗАЛѢ ИС. ЕГ. ПИТОВЕВА,

при участіи: Г. І. Корганова, Ф. И. Коридзе и членовъ Общества: г-жъ Э. К. Павловской, О. В. Кольцовой-Пальмъ, М. М. Лубновской; гг. М. М. Тебенькова, С. Е. Павловскаго, П. А. Опочинина и П. А. Лодій.

Билеты заблаговременно можно получать въ конторѣ редакціи „Фаланга“, (Эриванская площадь, домъ № 3).

(Р.) 2—2